

Собственно, после этого заявления царя и начались подготовительные работы, которые привели к Положению 19 февраля 1861 г.

Осенью 1856 г. петербургский барон из высшего света вполне мог находиться «близко у дела».

В. А. В И К Т О Р О В И Ч

К ИСТОРИИ ОДНОГО ОБЪЯВЛЕНИЯ В «ГРАЖДАНИНЕ»
1873 г.

В Полном собрании сочинений Достоевского опубликовано редакционное объявление о прекращении издания журнала «Гражданин» «вследствие непредвиденного обстоятельства» (21, 277). Как справедливо указывается в комментарии (см.: 21, 530), объявление может быть датировано с помощью следующего воспоминания Н. Н. Страхова: «Около святой (пасха начиналась в 1873 г. с 8 апреля. — В. В.), мне помнится, произошла в кружке „Гражданина“ большая тревога; говорили, что издание невозможно продолжать, и Федор Михайлович был некоторое время в большом беспокойстве».¹ Косвенным подтверждением датировки объявления началом апреля 1873 г. может служить то, что 9 апреля 1873 г. не вышел очередной номер «Гражданина» (через неделю вышел сдвоенный номер), что совсем не обычно при той «величайшей заботливости», по словам того же Страхова, с какою относился тогда к изданию его редактор, Достоевский.

Указанное объявление в «Гражданине» напечатано не было, а вместо него в № 19 от 7 мая 1873 г. появилось другое, где опровергались «слухи» о прекращении издания (21, 280).

В чем причина обстоятельства, которое должно было действительно не на шутку взволновать Достоевского; закрывалось издание, едва он стал его редактором?²

В комментариях в академическом собрании сочинений Достоевского высказано предположение, что опасения редакции «были вызваны обвинительным актом Петербургского окружного суда от 2 апреля 1873 г. по поводу опубликования в „Гражданине“ без разрешения министра двора высказывания Алек-

¹ Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883, с. 299.

² Как болезненно реагировал Достоевский на такую ситуацию, задевавшую его честь литератора, можно представить, если вспомнить, что через год, не будучи уже редактором «Гражданина», он писал жене 6 июня 1874 г.: «Князь (Мещерский. — В. В.) говорил мне à parte, что он совершенно не знает, как быть с „Гражданином“, денег на издание нет и никто ему в долг не дает. Боюсь ужасно, чтоб, если прекратится издание, не коснулся как-нибудь меня расчет с подписчиками (т. е. я не просто боюсь, что Князь не заплатит, а что, на первый случай, выйдет какой-нибудь скандал и заденут мое имя в печати)» (П., III, 99).

сандра II» (см.: 21, 530). Думается, что такая мотивировка недостаточно обоснованна. Во-первых, потому, что подобного рода судебные преследования печати были не столь уж опасны: как известно, Достоевский был приговорен к штрафу в 25 руб. и к двум дням ареста на гауптвахте. Во-вторых, волноваться еще было рано: расстояние от обвинительного акта до суда неблизкое, а окончательное решение оставалось под вопросом (Достоевского судили лишь 11 июня и защищавший его В. П. Гаевский указывал на неправильность возбуждения дела цензурным комитетом). И в-третьих, самое главное, не следует все же, при всей известной мнительности Достоевского, представлять его способным решиться на закрытие издания при столь ничтожном препятствии. Начиная свою редакторскую деятельность, Достоевский предвидел возможные столкновения с цензурным ведомством, уже в первом номере «Гражданина», в «Дневнике писателя» подтрунивая над своей будущей ролью: «Подозреваю, однако, что в Китае князь Мещерский непременно бы со мною схитрил, пригласив меня в редакторы наиболее с той целью, чтоб я заменял его лицо в главном управлении по делам печати каждый раз, когда бы его приглашали туда получать удары по пятам бамбуковыми дощечками» (21, 6).

Причины для планировавшегося закрытия «Гражданина» были, очевидно, более веские. Нам известны три источника, проливающие дополнительный свет на этот эпизод биографии Достоевского:

1. «Секретное» письмо издателя «Гражданина» В. П. Мещерского М. Н. Каткову: «Сегодняшним номером заканчивается существование „Гражданина“. Я выбыл из строя бойцов за убеждения. Год усиленной работы меня почти убил» (ГБЛ, ф. 120. 7. 2., л. 1). Далее Мещерский описывает свою болезнь (два обморока, «судороги в мозгу») и говорит, что доктора рекомендуют полный покой в течение двух лет, иначе может быть «удар à la Milutine» (Н. А. Милютин скончался 26 января 1872 г.). Датировка письма первой половиной 1873 г., а еще точнее, имея в виду описанную выше ситуацию в редакции, началом апреля 1873 г. — кажется, не вызывает сомнения, тем более, что далее Мещерский пишет: «Издавая журнал, я имел в виду в июле и в августе поступление из разных источников пособий, но теперь, когда прекратил издание — ничего не могу иметь в виду» (там же).

2. Письмо К. П. Победоносцева наследнику престола, будущему Александру III, от начала апреля 1873 г. (письмо датируется нами по упоминанию «вечного воскресенья», т. е. пасхи, и «рескрипта совету дома призрения», подписанному цесаревичем, как удалось установить, 3 апреля 1873 г.³): «Сам Мещерский, говорят, уехал вчера в Москву. Кажется, у него было в виду доставать еще где-нибудь денег на поддержание своего журнала.

³ Рескрипт опубликован в «Правительств. вестн.» (1873, 24 апр., № 96).

Впрочем, из верного источника я знаю, что он перед самым отъездом внезапно решил прекратить издание и даже намерен был на днях объявить об этом от лица Достоевского. Боюсь, как бы бедный Достоевский не пострадал от этого, потому что журнал официально числился за ним, хотя в сущности издателем был Мещерский». ⁴

Беспокойство Победоносцева за Достоевского, очевидно, отзвук настроения последнего. Составляя объявление о прекращении «Гражданина», его редактор особо подчеркивал, что он «заведовал единственно литературною частью издания, в хозяйственную же часть его не вмешивался», в то время как внезапное обстоятельство, «остановившее нашу деятельность», «не имеет ничего общего с литературою» (21, 317). Нет ничего удивительного, что такое решительное отмежевание заботящегося о чести своего имени редактора от издателя, князя Мещерского, не могло понравиться последнему, и, по-видимому, по его настоянию было исключено из окончательного текста объявления о прекращении издания.

Что же это за «внезапное и совершенно внешнее обстоятельство, не имеющее ничего общего с литературою»? Если верить письму Мещерского к Каткову — это внезапная нервная болезнь князя. Если же исходить из переписки Победоносцева — это денежные затруднения издателя.

Внимательно вчитываясь в письмо к Каткову, мы обнаружим, что первая мотивировка ничуть не отменяет второй: в апреле Мещерский пишет, что только в июле и августе ждет денежной помощи «из разных источников», т. е. от тех промышленников, на чьи пожертвования частично существовал «Гражданин». ⁵ Зная характер Мещерского, можно предположить, что одна мотивировка (болезнь) — лишь прикрытие для другой, главной (безденежье). Издателю «Гражданина» предстояло еще сорок лет весьма активной деятельности, которой, как видно, не мешала его «серьезная» и чуть ли не смертельно опасная нервная болезнь.

3. Третий документ — письмо В. П. Мещерского наследнику престола Александру Александровичу. Письмо без даты, но может быть датировано началом апреля 1873 г. по упоминанию пасхи и по просьбе Мещерского вернуть проект рескрипта дому призрения (см. о нем выше) для переписки и отправления в «Правительственный вестник». Как и в письме Каткову, Мещерский пишет здесь о своей болезни, обмороке «третьего дня» и «вчерашнем» совете докторов «все бросить и поехать куда бы

⁴ Письма К. П. Победоносцева к Александру III. М., 1925, т. 1, с. 22. Письмо в данном издании ошибочно датировано апрелем 1874 г. на основании объявления в «Гражданине» (1874, № 16) о смене редактора.

⁵ См. об этом: Мещерский В. П. Мои воспоминания. СПб., 1898, ч. 2, с. 161—162.

то ни было». «Во всяком случае, — заключает Мещерский, — по этой и по другим причинам кончаю издание „Гражданина“». ⁶

Как видим, и в этом источнике болезнь Мещерского — не единственная причина для прекращения издания. Некоторыми намеками Мещерский дает также понять наследнику (когда-то отказавшемуся субсидировать «Гражданин»), что «другие причины» — это безденежье.

Как уже говорилось, 16 апреля, после двухнедельного перерыва, «Гражданин» все-таки вышел и издание было продолжено. Можно предполагать, что Мещерскому удалось найти нужные средства. Очевидно, для этой именно цели он в начале апреля отправился в Москву — о чем сообщает в письме наследнику, и факт этот подтверждает Победоносцев в указанном выше письме — к богатым «меценатам» «Гражданина» (см. примеч. 5).

Материальные затруднения долго еще создавали напряженную, нервную обстановку в редакции, о чем свидетельствуют письма Достоевского лета 1873 г. и его дневник по журналу. Видимо, сославшись на болезнь и уехав на лето в деревню, князь переложил все заботы по изданию, в том числе и денежные, на плечи редактора. Достоевскому приходилось иногда закладывать личные вещи, чтобы вовремя расплатиться с авторами и сотрудниками. Безответственность и легкомыслие князя-издателя, с одной стороны, и раздражительное беспокойство Достоевского за свою репутацию — вот те условия, которые, при «каторжной» редакторской работе, в отрыве от семьи, сделали лето 1873 г. для Достоевского «несносным».

Г. В. СТЕПАНОВА

ОБРАЗ «ЧЕЛОВЕКА СО СКЛАДКОЙ» У ДОСТОЕВСКОГО

Характеризуя выражение лица и нравственную физиономию своих героев, Достоевский часто употреблял понятия «складка», «склад». Применение их в творчестве писателя носит многообразный характер. Так рассказчик в «Униженных и оскорбленных» (1861) говорит об Анне Андреевне: «Когда я появился, она приняла было меня с недовольной и холодной *складкой в лице*, едва цедила сквозь зубы и не показывала ни малейшего любопытства...» (3, 268. Здесь и ниже курсив наш. — Г. С.). Словом «складка» передано выражение лица героини, ее отношение к собеседнику.¹ В том же смысле, но в более развернутой характеристике, употреблено оно в описании внешности Алеши: «Полные небольшие пунцовые губы его, превосходно обрисован-

⁶ ЦГАОР, ф. 677 (Александра III). I. 896, л. 115—116.

¹ В подобном же смысле употреблено оно и по отношению к героине «Кроткой» (1877): «И всё пуще и пуще *насмешливая складка*... а я усиливаю молчание, а я усиливаю молчание» (24, 15).